

*Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно
умерших или питаться книжными
призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других
и профильтруешь все через себя.*

*Уолт Уитмен
«Песня о себе»*

Начало

Он сидел в комнате, когда к нему вошел тот, кого он ждал. Ждал с нетерпением и непонятным волнением. От их встречи зависела не только их судьба, но и судьба третьего человека, которому они должны были вынести свой приговор, не выслушав ни самого подсудимого, ни обстоятельств, смягчающих или исключающих его вину, ни защитников, которые могли бы рассказать о жертве немало хорошего.

Сидя в большой комнате напротив друг друга, они говорили о каких-то мелочах, вспоминали общих знакомых, подсознательно готовясь к главному разговору, который и должен был определить судьбу третьего.

Собеседники понимали исключительность принимаемого ими решения. Человек, участь которого они собирались решить, слишком известен и популярен, чтобы можно было надеяться на безнаказанность. Нельзя надеяться и на сокрытие того, что должно было произойти.

Это был самый настоящий вызов, и оба понимали, что в случае провала или какой-нибудь небрежности им придется отвечать по полной программе.

И тем не менее они принимали решение сознательно и твердо, полагая, что никакого иного варианта не существует. Жертва мешала не просто им двоим, они не просто сводили личные счеты. Это решение давалось им нелегко, но без исполнения его было невозможным дальнейшее нормальное существование обоих.

Они были нормальными людьми, в том смысле, в каком это определение признано практикующими психиатрами. Оба собеседника не были ни параноиками, ни садистами, ни душевнобольными в медицинском смысле. Однако оба были больны, и больны тяжело. Это была особая болезнь, сочетающая в себе равнодушие к чужой боли и чужой жизни, неумение сострадать чужому горю и чужой смерти. Оба понимали, что жертва необходима. И, как жрецы в ожидании кровавого жертвоприношения, старались не напоминать друг другу о том, что жертвенные ножи уже наточены, а алтарь должен окраситься кровью живого человека.

За все время разговора они не сказали ни слова о будущей жертве, но оба помнили о том, чья участь была обговорена и решена еще несколько дней назад. В конце встречи один из участников беседы поднял телевизионный пульт и включил телевизор. На экране появился всеобщий любимец, журналист, чье лицо было знакомо миллионам людей. Его передачи были

популярны, он неизменно входил в число лучших тележурналистов страны.

— Выступает, — усмехнулся первый.

— Хорошо выглядит, — сказал второй.

— Он талантливый журналист, — почему-то заметил первый.

— Ему нужно было заниматься только своим делом, развлекать людей, — добавил второй.

Первый согласно кивнул и выключил телевизор. Экран потух, и теперь на нем зияла черная пустота.

— Как хорошо работают эти телевизоры, — с удовлетворением констатировал первый, — легким нажатием кнопки можно регулировать их включение и выключение.

Второй засмеялся. Он понял аллегория и не стал ее комментировать. Участь жертвы была решена. И теперь уже никто не мог отменить отданного приказа. На алтаре должно было совершиться жертвоприношение. И собеседники уже думали об этом, как о свершившемся факте.

Глава 1

— Добрый день, — он улыбался немного застенчиво, как обычно улыбаются новички, впервые попавшие в большой коллектив.

— Привет, — кивнул пробежавший мимо журналист, — ты, видимо, Павел Капустин?

— Да. Меня прислали...

— Знаем, уже слышали. Иди в ту комнату.

Там тебя ждут, — показал журналист и уже на бегу крикнул: — Удачи тебе, Павел.

Он оглянулся. Вокруг суетились люди, спешили куда-то две девушки с очень независимым видом, важно шествовал известный актер, горделиво наклоняющий голову при приветствиях. На телевидении шла обычная работа, все суетились, нервничали, бегали, кричали, выясняли, куда пропал тот или иной журналист, — в общем, это был обычный день на телестудии. Но это был исключительный день для Павла Капустина, впервые переступившего порог этого здания и готового начать новую жизнь. Он постучал в дверь. Никто не ответил. Он снова постучал. Опять молчание. Павел оглянулся. Он не мог ошибиться. Здесь только одна дверь.

Немного подумав, он приоткрыл ее. В большом кабинете никого не было, но за перегородкой, разделяющей пространство комнаты пополам, слышались чьи-то голоса, веселые восклицания, смех. Он прикрыл дверь и двинулся вперед, чтобы увидеть наконец хозяев кабинета.

На большом кожаном диване сидел известный журналист, тот самый, чье лицо уже давно примелькалось на телевизионных экранах. Журналист был талантливым человеком и умелым организатором, он постепенно сделал свои программы самыми дорогими шоу на телевидении. Возглавлял он как раз тот канал, на котором и должна была состояться будущая карьера Павла Капустина.

Увидев Капустина, он отвернулся и продол-

жал о чем-то весело говорить с миловидной блондинкой, сидевшей рядом с ним. Оба натянуто улыбались, блондинка благосклонно кивала головой. Павел негромко кашлянул. Оба собеседника скользнули по его лицу абсолютно равнодушными глазами и продолжали свою беседу. Это было немного обидно, и он покашлял сильнее. Собеседники не могли не видеть его. Но оба предпочитали делать вид, что не замечают новичка. При этом они разговаривали преувеличенно громко и весело, словно актеры на спектакле, четко выговаривающие слова, чтобы они были слышны и зрителям, сидящим на галерке.

— Простите, — наконец громко сказал Павел, и в этот момент журналист взмахнул рукой.

— Ну сколько можно! — закричал он, глядя на новичка. — Опять какой-то идиот сорвал передачу.

Только теперь Павел с ужасом заметил в углу телекамеру, стоявших за ней операторов и наконец понял, почему здесь был установлен такой сильный свет, высвечивающий диван с обоими собеседниками.

— Извините, — пробормотал он, делая шаг назад.

— Извини, Света, — покачал головой журналист, — опять сорвали. Начнем заново. Ты немного отдохни. — Он поднялся с дивана, прошел за перегородку к большому столу. Взглянув на Павла, он недовольно покачал головой.

— Из финансового опять за отчетом пришли?

— Нет, — испуганно ответил Павел, — я к вам.

— По какому вопросу? — нахмурился журналист.

— Вот тут у меня направление. Я Павел Капустин, меня прислали к вам, — сказал он, протягивая лист бумаги своему именитому собеседнику. Тот взял бумагу, нахмурился, потом улыбнулся. Он был высокого роста, красивый, ладно скроенный. Такие открытые лица обычно нравятся женщинам и вызывают симпатию у мужчин. Его имя гремело не только в Москве, а лицо было родным и знакомым миллионам людей, живущих на всем пространстве бывшей огромной страны, куда транслировались передачи их канала. Журналиста звали Алексей Миронов, и был он известен всем как Леша Миронов, хотя ему было уже почти сорок лет.

— Чего же ты не сказал, что новичок? — улыбнулся Миронов. — Я когда впервые на телевидение попал, вообще как очумелый ходил две недели.

— Я не видел, что у вас идет съемка, — пробормотал Капустин.

— Внимательнее нужно быть. В армии был?

— Да, два года, как положено. В Афганистане служил.

— Чего же тебя там внимательности не научили? — засмеялся Миронов. — Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Солидно. А где работал до телевидения?

— Где придется, — пожал плечами Капустин, — вообще-то я работал оператором на киностудии. Но там уже два года ничего не снимают. Вот я и решил к вам податься.

— Правильно решил. Кино они еще сто лет там снимать не будут, а у нас здесь живая работа. Подожди, подожди, — вдруг вспомнил Миронов, — документальный фильм о штурме Грозного с Арпухиным ты делал?

— Ну я, — кивнул Капустин.

— Классная работа, — уважительно сказал Миронов. — Ты ведь свой фильм под пулями снимал. Очень классная. Так ты и есть тот самый Павел Капустин? Ну, брат, ты же человек опытный, две войны прошел, а здесь съемки не заметил. Ладно, ничего страшного. Тебя Арпухин очень хвалил, вот мы и решили тебя попробовать.

Капустин молчал.

— Давай, я подпишу твои бумажки, и иди в отдел кадров оформляйся, — решительно сказал Миронов. — Такие операторы, как ты, нам очень нужны.

Он размашисто подписал бумагу, протянул ее новичку. Капустин взял бумагу и уже собрался выйти, как Миронов окликнул его:

— Павел, за «идиота» я извиняюсь. Я ведь не знал, что ты новичок.

— Ничего, — пробормотал Капустин, — я просто ошибся.

Он вышел из комнаты, столкнувшись в две-

рях с невысоким человеком неопределенной внешности и возраста.

— Зарезали! — закричал человечек истощенным голосом. — Без ножа зарезали! — Павел уже закрывал дверь, когда услышал строгий голос Миронова:

— Опять не получилось?

— Переставляют программы, — ответил ворвавшийся в комнату. — Я ведь говорю, что зарезали. Они всегда... — Дальше Павел уже не слышал. Он привык к хаосу съемочного процесса и сумбуру во время работы. Но, похоже, на телевидении все это усиливалось стократно и было неотъемлемой частью самого процесса творчества.

— А я ему говорю, что он ничего в этом не понимает, — гневно сказала прошедшая мимо Павла маленькая женщина лет шестидесяти. Она обернулась на Павла, внимательно посмотрела на него, потом еще раз обратилась к своему собеседнику и, топнув ножкой, повторила:

— Ничегошеньки он не понимает, — и пошла дальше, не обращая внимания на реакцию собеседника. Тот был очень высокого роста, под два метра, немного сутулый, как и все очень высокие люди. Он слушал, наклонив голову, и, когда женщина отошла от него, тихонько вздохнул и направился в другую сторону. Павел решил не выяснять у него, где именно находится отдел кадров, понимая, что в таком состоянии человека лучше не тревожить.

Оформление на работу оказалось не столь простой процедурой, как ему представлялось.

Пришлось потратить полдня, обегав еще несколько кабинетов и собрав подписи неизвестных ему главных и генеральных директоров. Только к четырем часам дня он наконец услышал от сухой жесткой женщины в отделе кадров, что может считать себя принятым. Женщине было лет сорок, не больше, но она почему-то смотрела на него как на своего личного врага и разговаривала, не открывая рта, словно экономила воздух, предпочитая говорить сквозь зубы. Впрочем, и к другим посетителям она обращалась точно так же, и данное обстоятельство как-то успокоило Павла.

В половине пятого он почувствовал, что проголодался. Спустившись вниз, в буфет, он увидел сидевшего за столом Алексея Миронова, ту самую актрису Свету, с которой тот беседовал, и еще двух неизвестных ему мужчин. Один, с большой, густой бородой, словно собирался исполнять роль боярина средневековой Руси. Правда, на роль его могли не утвердить из-за большого семитского носа и хитрых, маленьких прищуренных глаз. Второй, напротив, был чисто выбрит. При этом он умудрился выбрить не только лицо, но и всю голову, блестящую, как идеально выточенный круглый шар.

— Павел, иди сюда! — закричал Алексей, увидев Капустина. И когда тот подошел, он показал на новичка, представляя его: — Павел Капустин, гениальный оператор и смелый человек, несмотря на свой молодой возраст. Он снимал фильм о чеченской войне. Тот самый

фильм, о котором я тебе говорил, Аркадий. — Бородатый Аркадий кивнул головой, протягивая свою огромную ладонь. Остальные просто кивнули, и Павел сел рядом с Аркадием.

— Знакомься, — кивнул Миронов на свою компанию. — Это Аркадий, человек неопределенных занятий, философ и писатель. Любимое место на стуле в пресс-клубе, где-нибудь в задних рядах, чтобы подавать неслышные звукооператорам реплики. Это наша Светочка. Я думаю, ее представлять не нужно. Ее и так знают все мужчины нашей страны, которые сходят с ума из-за ее фигуры.

Светлана довольно улыбнулась, но никак не прокомментировала эту фразу.

— А это Сергей Монастырев, самый главный критик на телевидении, — показал на обритого парня Миронов, — он очень строгий и принципиальный человек. Но легко поддается на уговоры. Если ты хочешь с ним дружить, то можешь поставить ему банку пива с воблой, и он твой друг навсегда.

Все расхохотались. Любовь Монастырева к пиву была предметом постоянных шуток. Монастырев однажды на спор выпил двадцать две кружки пива и с тех пор считался признанным чемпионом по этому виду «соревнований».

— Сегодня я угощаю, — пробормотал Павел, — у меня первый рабочий день.

— Твой первый рабочий день будет только завтра, — весело возразил Миронов, — и не будь дураком. Твоей зарплаты с трудом хватит на то, чтобы прокормить только тебя в этом бу-

фете. Если ты еще будешь угощать и других, то вылетишь в трубу через несколько дней. Здесь сейчас цены не профсоюзные, а коммерческие.

— Учту, — буркнул покрасневший Капустин.

— Хорошо, что ты пришел, Павел, — продолжал Миронов, — теперь мы с тобой будем работать в одной упряжке.

— Он еще не знает, что значит работать с тобой в одной упряжке, — пробормотал Монастырев, — все соки из него выжмешь.

— И выжму, — весело согласился Миронов, — обязательно выжму. У нас грандиозные планы на будущее. Обязательно выжму. И не забудь, Серега, что у нас завтра встреча с очень интересными людьми.

— Я помню, — кивнул Монастырев.

— Ты ведь обещал поехать со мной на этот просмотр, — встрепенулась Света, — уже забыл?

— Ничего я не забыл. Я позвоню и скажу, чтобы нас подождали. Мы с тобой еще туда успеем.

— Миронов, где вы пропадаете, — ворвалась в буфет молодая девушка, — мы ищем вас по всему зданию.

— Вот так, не дадут нормально расслабиться, — вздохнул Миронов, — ладно, пойду, посмотрю, что там опять случилось. Похоже, ребята, вам придется посидеть без меня. Валечка, — позвал он буфетчицу, — ребята сидят за мой счет.

— Все ясно, Алексей Станиславович, —

улыбнулась буфетчица, — как обычно. — Миронов поднялся и вышел из буфета.

— Учти еще одно обстоятельство, — желчно улыбнулся Монастырев, — бесплатного пива не бывает. А бесплатный сыр только в мышеловке. Раз он платит за тебя, значит, уже готов выдать из тебя все возможное. Платит он хорошо, но и пахать заставляет будь здоров.

— Ты чего пугаешь парня, — пробормотал Аркадий, — у него первый день сегодня, а ты его пугаешь.

— Вообще-то я не из пугливых, — улыбнулся Павел.

— Пусть привыкает, — отмахнулся Монастырев, — в нашем деле прыгать в дерьмо нужно сразу. Иначе потом бывает противно.

— Вечно ты ругаешься, — заметила Света. — Не обращайтесь на него внимания, Павел, он всегда всем недоволен.

— Знаешь, как называют наше телевидение? — спросил Монастырев. — Зеркало для вампиров. Стоящий перед зеркалом вампир не должен в нем отражаться. Он невидим в зеркале, тогда как все остальное там четко видно. Вот твоя работа и будет состоять из того, чтобы несчастные жертвы-зрители не разглядели вампира, который стоит рядом с ними, замечая все.

— Какой ужас, — засмеялась Света, — вечно у него такие страсти-мордасти.

— Тебе еще нужно познакомиться с Мишей, заместителем Алексея. Вот тот действительно не любит никаких шуток по поводу своей работы, — заметил Монастырев. — Он считает, что

выполняет здесь функцию государственного комиссара.

— Мы опаздываем, — посмотрел на часы Аркадий. — Будь здоров, Павел, и не принимай всерьез все, что тебе здесь говорят. Половина — обычная трепотня.

— Зато другая половина — правда, — про-
бормотал Монастырев, поднимаясь следом за ним. Светлана улыбнулась новичку на прощание.

В этот день Павел возвращался домой позже обычного. Заехал к знакомой девушке — Кате. С ней они встречались уже больше года. У нее сильно болела мать, и он заехал «отдать долг вежливости», понимая, что сегодняшнее свидание отменяется. В свою комнату в большой коммуналке он вернулся к девяти часам вечера. Соседи уже успели привычно посудачить, поспорить и разойтись по своим комнатам. Эта была одна из немногих коммуналок, доживающих свой век в центре Москвы. С начала девяностых годов подобные квартиры прибирали к рукам строительные фирмы, расселяя жильцов в отдельные малогабаритки. После соответствующего «евроремонта» бывшие коммуналки превращались в «среду обитания» очень богатых людей, охотно покупавших их.

Он привычно включил телевизор и увидел мрачное лицо диктора. Тот о чем-то говорил, но Павел, не разобравшись, о чем именно, вышел в ванную. Когда он вернулся, уже показывали художественный фильм из новых, и он разочарованно отвернулся, примерно представ-

ляя, чем это зрелище может закончиться. В последние годы фильмы снимали исключительно о проститутках, убийцах и наркоманах. Он привычно включил кипяtilьник, собираясь попить чайку. И в этот миг в дверь постучали.

Павел быстро убрал кипяtilьник. Соседи не любили подобных приборов, считая, что они могут стать причиной пожара или слишком большого перерасхода энергии. Сунув кипяtilьник в тумбочку, он пошел к двери. На пороге стояла Варвара Александровна, которую он давно и тихо ненавидел. Эта женщина, казалось, была создана именно для того, чтобы отвращать жизнь соседям и знакомым. Она строго усталилась на Павла.

Она всегда подозревала его в самых ужасных преступлениях, проверяя, не оставляет ли он свет в туалете или ванной комнате, убирает ли за собой в кухне. Более того, она бдительно следила, чтобы их квартира не превратилась в «бардак», по ее выражению.

— Добрый вечер, — устало поздоровался Павел, — что случилось?

— Мы собираем деньги на электрика, — строго сказала Варвара Александровна. Она говорила почти басом, всегда четко выговаривая слова, словно читала лекцию нерадивым ученикам. Впрочем, раньше она была воспитательницей в детском доме, и привычка поучать осталась в ней на всю жизнь. Под носом у нее темнела полоска усов. Муж ушел от Варвары Александровны много лет назад, и она жила со

своей сестрой, занимая две лучшие комнаты в квартире.

— Опять? — удивился Павел. — Мы же собирали месяц назад.

— У нас опять сгорела проводка. Кто-то пользуется дополнительными электроприборами, — сообщила соседка и тут же уточнила: — А вы не знаете, кто?

— Нет, конечно, — пробормотал Павел. — Можно, я заплачу завтра? Я получу расчет на киностудии и заплачу.

— Вы ушли с работы? — подозрительно спросила Варвара Александровна. — А на что вы теперь будете жить?

— Я не ушел с работы... — Спорить или возмущаться не было никаких сил. Да и бесполезно. Павел знал это по собственному опыту. — Я перешел работать на телевидение.

— На наше телевидение, — фыркнула соседка, — там один разврат и обман. Ничего хорошего. Вас взяли работать на телевидение?

— Да.

— И вы будете теперь вести передачи? — удивленно спросила она.

— Нет, меня взяли оператором.

— Я так и думала. Для ведущего вы слишком нетелегеничны, — победно заявила Варвара Александровна, — но вообще-то это гнусное место. Вы напрасно ушли с киностудии.

— Я как-нибудь обойдусь собственным умом, — рискнул пробормотать Павел.

— Не хамите, молодой человек, — сразу же перешла в наступление Варвара Александров-

на, — у вас ведь временная прописка в столице. И учтите, что мы вас с трудом переносим.

Он почувствовал, что сейчас не выдержит, но следующие слова соседки ошеломили его.

— Это еще и опасно, — сказала она. — Сегодня вечером убили Алексея Миронова. Он, по-моему, был единственным приличным человеком в этой компании и...

Увидев его ошеломленное лицо, она замолчала. Он повернулся, взглянул на часы. Сейчас по другому каналу должны передавать новости. Он бросился к телевизору, забыв закрыть дверь, переключился на другой канал. И увидел лежащего на полу подъезда Алексея Миронова. Ведущий скорбным голосом сообщал, что сегодня в подъезде своего дома убит известный тележурналист Алексей Миронов. Камера крупно показывала убитого.

— Не может быть, — выдохнул Павел, — не может быть...

Он продолжал что-то бормотать, соседка испуганно заглянула в комнату. Она хотела что-то добавить, но когда он повернулся и она увидела его лицо, то внезапно поняла, что ей лучше молча удалиться. Что она и сделала. Павел продолжал стоять перед телевизором, слушая подробности о смерти Миронова.

Через два дня были похороны. Павел стоял в огромной толпе журналистов, пришедших отдать последний долг убитому коллеге. Выступали потрясенные преступлением друзья погибшего, уже была сформирована специальная группа для расследования убийства, в нее вошли со-

трудники прокуратуры, ФСБ и МВД. Во всех газетах были опубликованы некрологи и репортажи. Казалось, что преступление будет раскрыто через неделю, через две, через месяц, через два, через год...

Глава 2

В этот раз ему прислали новое издание трудов Теодора Моммзена. Кроме фантастики, которая помогала развитию воображения, он любил читать все, что относилось к эпохе Римской империи, поражаясь, сколь точно повторяются перипетии распада мировых империй в разные времена. И теперь он наслаждался, листая «Историю Рима», когда раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер, — раздалось в трубке. Он узнал знакомый голос Владимира Владимировича.

— Кажется, опять по мою душу, — пошутил он.

— Ты, как всегда, прав. Впрочем, ты ведь знаешь, я не беспокою тебя по пустякам.

Владимир Владимирович был бывшим сотрудником советской разведки, давно вышедшим на пенсию. Он выполнял в Москве негласную роль связного Дронго, проверял информацию, передавал просьбы заказчиков, которых в последние годы становилось все больше и больше.

— Что-нибудь случилось?

— Пока нет. Но некоторые люди хотели бы встретиться с тобой. И обговорить кое-какие моменты интересующих их вопросов.

— Это достойные люди?

— Весьма. Они достаточно интересные и достаточно влиятельные. Ты меня понимаешь?

Когда Владимир Владимирович говорил так, к его словам стоило прислушиваться. Больше двадцати лет он был нелегалом ПГУ, а теперь работал в музее новой службы внешней разведки России. Как шутили знакомые — в качестве живого экспоната.

— Вы хотите, чтобы я прилетел в Москву? — уточнил Дронго.

— По-моему, ты сам этого хочешь, — резонно заметил его собеседник.

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше. Думаю, если ты не поторопишься, они попытаются сами выйти на тебя.

— Серьезные люди, — пробормотал Дронго, — хорошо, Владимир Владимирович. Завтра прилечу в Москву. Можете назначить встречу на послезавтра.

— Ты еще не взял билет, — ворчливо заметил старик.

— Ну, с этим проблем не будет, — засмеялся Дронго.

На следующий день он вылетел в Москву. Он давно уже попеременно жил в двух городах, разделяя свое существование между столицами двух государств, некогда объединенных единой страной. Самолеты, которые он ненавидел, ста-

ли неотъемлемой частью его жизни, и он уже привык подавлять смятение при посадке в авиалайнеры.

Москва встретила его дождем и холодом. Весна в этом году явно запаздывала, и в апреле на улицах города было все еще слякотно и промозгло. Приехав домой, он принял душ, поставил чайник и лишь после этого позвонил Владимиру Владимировичу.

— Я уже в Москве.

— Оперативно, — похвалил его старик. — Ты можешь заскочить ко мне прямо сейчас?

— Мы ведь договаривались на завтра.

— Будет лучше, если ты приедешь прямо сейчас, — настаивал Владимир Владимирович, и Дронго устало согласился.

— Сейчас приеду. Но я даже не успел чаю попить.

— Это поправимо, — хмыкнул Владимир Владимирович.

Через полчаса он уже сидел в уютной квартире Владимира Владимировича, наслаждаясь горячим чаем, приготовленным для него стариком.

— Как ты долетел?

— Это дань вежливости, или вы так начинаете разговор?

— Мне интересно, как ты проходишь государственную границу, — невозмутимо ответил Владимир Владимирович. — Твоя личность достаточно известна, и я думаю, что пограничники обязаны знать тебя в лицо.

— Во всяком случае, по числу переездов я

рекордсмен. Провожу в воздухе больше времени, чем на земле, — признался Дронго, — хотя ненавижу самолеты. Но, по-моему, они платят мне той же монетой. Хотя бы один раз в месяц что-нибудь да случается. Я уже устал бояться.

— Это не самое страшное, что может быть в жизни, — философски заметил Владимир Владимирович. — При твоём образе жизни подобные вещи почти обязательны.

— Зачем вы меня позвали? — спросил Дронго. — Неужели только для того, чтобы узнать, как я прохожу пограничный контроль?

— Нет, конечно, — улыбнулся Владимир Владимирович, — с тобой хочет встретиться новый заместитель директора ФСБ.

— Если они предлагают мне работу, то я откажусь. Вы же знаете мои принципы.

— Они хотят предложить тебе самостоятельное расследование.

— По-моему, у них уже восстановили следственное управление. Есть целый штат высококвалифицированных следователей, которые могут провести любое расследование. Вам не кажется, что мне лучше не связываться с подобной организацией?

Вместо ответа Владимир Владимирович положил несколько газет на стол.

— Просмотри, пока я ужин разогрею, — пробормотал он, выходя на кухню.

Дронго с интересом развернул газеты, обратив внимание на даты. Два года назад. Читать старые газеты было по-своему занимательно и поучительно. Словно из будущего попадаешь в

прошлое, но уже более мудрым, более умным. Он сразу обратил внимание на громкие заголовки центральных газет. Множество материалов, посвященных убийству известного московского тележурналиста Алексея Миронова. Преступление вызвало целый шквал публикаций на страницах центральных газет. Была создана специальная комиссия по расследованию обстоятельств убийства. Два года назад...

Он отложил газеты. За это время следствие не продвинулось ни на шаг. Несмотря на все усилия, предпринимаемые прокуратурой, ФСБ и милицией, так и не удалось установить, кто именно и почему оказался заинтересованным в смерти Алексея Миронова. И хотя расследование формально не было завершено, юридически оно «повисло», считаясь почти «тухлым» и наверняка не перспективным.

Владимир Владимирович принес две тарелки с разогретыми домашними котлетами, которые привозила ему его дочь. Он жил один, жена умерла много лет назад, во время его очередного пребывания за рубежом, а он так никогда и не смог простить себе, что не сумел приехать на ее похороны.

— Можешь съесть одну котлету, — строго буркнул старик, — но только одну. Тебя ведь наверняка кормили в самолете? Ты у нас буржуй, летаешь только первым классом.

— Поэтому и успеваю повсюду, — пробормотал, соглашаясь, Дронго и подвинул к себе тарелку.

— Прочитал? — спросил его Владимир Вла-

димирович, доставая из стоявшего за его спиной серванта большой хрустальный графин с темно-красной жидкостью. В этом доме еще хранились традиции старого московского уклада — алкогольные напитки подавали исключительно в хрустальных графинах. Разлив настойку по рюмкам, Владимир Владимирович привычно зажмурился, поднял рюмку и, быстро пробормотав: — За твоё здоровье, — выпил. Дронго тоже поднял свою рюмку. Здесь не было принято чокаться. Он кивнул старику и чуть пригубил напиток. Настойка была вкусной, но он не любил алкоголя.

— Позвали из-за журналиста? — спросил Дронго.

— Как это ты догадался? — съязвил старик. — Конечно, из-за него. Расследование практически застряло. За два года они ничего не смогли найти. А несколько дней назад Президент вызвал Генерального прокурора и устроил ему публичную порку за плохое расследование «громких» преступлений. Досталось и директору ФСБ.

— И они решили сразу обратиться ко мне? — угрюмо поинтересовался Дронго.

— Нет, конечно. Просто в ФСБ недавно назначен новый заместитель директора, который наслышан о твоих «подвигах». Он и предложил использовать тебя в качестве источника получения информации. Иначе говоря, они решили предложить тебе самостоятельно провести новое расследование.

Дронго аккуратно отложил вилку. Поднял голову.

— И вы считаете, что я могу добиться успеха там, где его не добились лучшие следователи страны? Вам не кажется, что они несколько переоценивают мои возможности?

— Нет, не кажется. Человек, который с тобой встретится, новый заместитель директора ФСБ, просто убежден, что расследование зашло в тупик не потому, что там были плохие следователи. А из-за постоянного давления, которое на них оказывают со всех сторон. В том числе и со стороны руководства правоохранительных органов. С одной стороны, им нужен результат, и они подгоняют расследование. С другой, им важно не допустить шумного скандала вокруг расследования, максимально ограничив число подозреваемых. И все это при нынешней нестабильной ситуации в России они сделать просто не могут. Значит, выход только один — пригласить независимого эксперта, который проведет независимое расследование, не опасаясь давления со стороны. Поэтому они и решили обратиться именно к тебе.

— И вы сами верите, что «независимый эксперт» может сделать больше, чем следователи, имеющие в своем распоряжении целый аппарат? — с явной иронией уточнил Дронго. — По-моему, это наивно.

— А по-моему, нет, — упрямо возразил старик. — На его месте я бы поступил точно так же. Когда нет никаких шансов на успешное расследование, нужно использовать любую возможность. Вот ты и стал такой возможностью.

— Спустя два года, — напомнил Дронго. —

Если даже поверить в чудо, что я смогу вычислить, кто именно это сделал, то где гарантия, что киллера уже давно не закопали где-нибудь за городом? Преступление было громким, убийство Миронова наделало много шума. Вы же сами говорили, что о нем знал даже Президент. И если преступление до сих пор не раскрыто, то дело тухлое.

— Ты отказываешься? — спросил Владимир Владимирович.

Дронго помолчал. Потом снова взял вилку.

— Конечно, нет. Вы же знаете, чем сложнее расследование, тем интереснее. Умом я понимаю, что обязан отказаться. Дело наверняка будет грязное, скандальное и очень неприятное. Но раз вы меня позвали, то должно быть еще какое-то обстоятельство, которое вы пока мне не сообщили. Должен быть еще один аргумент, который перевесит мои сомнения и возражения.

Владимир Владимирович улыбнулся. Дронго был неподражаем. Он умел просчитывать почти все возможные варианты и по праву считался лучшим аналитиком среди экспертов СНГ.

— Ты, как всегда, прав, — кивнул старик, — есть еще одно обстоятельство, о котором я не хотел говорить тебе сразу, но раз ты так ставишь вопрос... — Он разлил содержимое графина в рюмки, наполняя свою и чуть доливая собеседнику. После чего поднял рюмку.

— За твой успех. Я всегда в тебя верил.

Дронго угрюмо кивнул.

— Спасибо, — пробормотал он.

Старик аккуратно выпил до дна. Дронго на этот раз отпил почти половину.

— Я всегда в тебя верил, — повторил Владимир Владимирович. — Все дело в том, что в ФСБ произошли за эти два года существенные перемены. Как, впрочем, и в МВД. Новые люди хотят точно знать, кто и почему отдал приказ о ликвидации Миронова. Меняются приоритеты, меняются ориентиры, и в подобных условиях людям, чтобы выжить, нужна правда. А убийство Алексея Миронова — это как раз тот случай, который больно задел руководителей правоохранительных служб. В общем, если хочешь знать, это далеко не личная инициатива заместителя директора ФСБ. За ним стоят солидные люди, которым просто надоел дикий беспредел и которые стремятся хоть как-то упорядочить нынешнюю жизнь в России.

— Красиво, но бессодержательно, — прокомментировал Дронго. — Просто одна группа политиков, дорвавшаяся теперь до власти, хочет доказать свою правоту другой группе политиков. Как это бывало много раз. И как это случается теперь.

— Можешь считать и так, — согласился Владимир Владимирович, — тем не менее завтра мы поедem на конспиративную квартиру для встречи с нашим клиентом.

— Какие условия?

— Никаких условий, никаких ограничений. Им важно знать, кто и почему это сделал. Конкретный исполнитель даже не столь важен, как конкретный заказчик. Ты меня понимаешь?

- Приятная перспектива. Сроки?
- От силы два-три месяца.
- Вы можете объяснить, почему именно такой срок? Впрочем, не надо. Я, кажется, догадываюсь. Грядет кампания очередных выборов?
- Да, — кивнул Владимир Владимирович.
- Все ясно, — выдохнул Дронго. — Кажется, меня снова затянули в очередную авантюру. И самое поразительное, что я снова соглашусь.
- Ты не спросил про гонорар, — напомнил Владимир Владимирович.
- А наш клиент готов даже оплачивать мои услуги? — улыбнулся Дронго. — И на какую сумму я могу рассчитывать?
- Его собеседник не стал выжидать эффектной паузы. Просто сухо произнес:
- Миллион долларов.
- Дронго не ахнул. Он отодвинул тарелку, допил содержимое рюмки и только после этого сказал:
- Кажется, действительно очень серьезное дело. Я могу узнать, откуда у заместителя директора ФСБ лишний миллион долларов?
- Деньги заплатит крупный банк, который поддержит на выборах политиков, входящих в один блок с нашим клиентом, — пояснил Владимир Владимирович.
- Весьма неопределенно, но достаточно ясно.
- Ты согласен?
- Конечно. Но я бы хотел получить и мате-

риалы официального расследования. Материалы, которые есть у следователей...

— Пожалуйста, — согласно кивнул Владимир Владимирович. — У меня есть полная копия всех материалов расследования. Ты будешь читать прямо сейчас?

— Вам дали копии всех документов? — не поверил услышанному Дронго.

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

— Да, действительно, глупый вопрос. Признаюсь, что вы меня довольно серьезно раззадорили. В котором часу у нас завтра встреча?

— Утром я заеду за тобой. Часов в десять, тебя устраивает?

— Договорились, — поднялся Дронго, — спасибо за ужин.

Он направился к двери.

— Ты больше ничего не хочешь спросить?

Дронго обернулся, но ничего не сказал.

— Например, фамилию заместителя директора ФСБ, с которым ты завтра должен встретиться, — выразительно сказал Владимир Владимирович.

— Не хочу. Я уже знаю — Потапов, — пожал плечами Дронго, выходя из комнаты.

Владимир Владимирович покачал головой, не скрывая своего изумления. Он по-настоящему любил Дронго и восхищался талантами своего молодого друга. Потом подошел к телефону, набрал известный ему номер и сказал только два слова:

— Он согласен.

— Встречаемся как договорились, — ответил ему невидимый собеседник.

Владимир Владимирович положил трубку и осторожно вздохнул. Если даже заместитель директора ФСБ не доверяет собственному телефону, то в какой стране они все живут. И в какой же стране будет действовать Дронго, проводя, возможно, самое сложное и самое опасное расследование в его жизни.

Глава 3

Ровно в десять часов Владимир Владимирович подъехал к дому Дронго на такси. Через несколько минут они уже направлялись в центр города. Им пришлось выполнить рутинный, но необходимый ритуал: менять машины и направления, ждать и снова двигаться. Наконец, выйдя из машины и пройдя мимо нужного дома, они убедились в том, что слежки нет. И только после этого вошли в дом. Оба профессионала очень хорошо представляли себе, как подобные «мелочи» влияют на течение операции.

Квартира, куда они направлялись, находилась на четвертом этаже. Дверь им открыли почти сразу, очевидно, охранник сидел у двери, так как рядом с вешалкой стоял стул. Они прошли по коридору, вошли в комнату. У окна стоял лысеющий, сравнительно молодой человек невысокого роста. Услышав шаги гостей, он отвернулся от окна.

— Здравствуйте, — строго сказал он, не протягивая руки. — Садитесь, пожалуйста.

Дронго кивнул ему в знак приветствия и прошел к столу. Владимир Владимирович тоже кивнул и, опираясь на свою палку, вышел из комнаты, мягко закрыв за собой дверь. Хозяин конспиративной квартиры прошел к столу, сел напротив Дронго. От того не ускользнуло, с каким интересом он на него смотрит.

— Вы Дронго, — утвердительно сказал хозяин.

— А вы генерал Потапов, — также утвердительно произнес Дронго.

— Откуда вы меня знаете? — быстро спросил генерал. — Разве мы раньше встречались? Или вам рассказал обо мне Владимир Владимирович?

— Да нет, просто я читал о вашем назначении. Вас считают ставленником крупного банковского объединения. Новым человеком в ФСБ, призванным усилить роль этой организации в стране. Кажется, там именно так было написано.

— Журналисты вечно что-нибудь напридумывают, — нахмурился Потапов. — Без скандалов и дня прожить не могут. Ну, будем считать, что мы познакомились.

У него было блеклое, невыразительное лицо с немного выпученными большими глазами. Он смотрел на своего собеседника не мигая. Но на Дронго трудно было подействовать даже таким взглядом. Он улыбнулся:

— Кажется, вы не очень любите журналистов.

— С чего вы взяли?

— Вы же сами сказали, что они не могут жить без скандалов.

— Это еще ничего не значит, — возразил Потапов. — Вы знаете, зачем мы вас пригласили?

— Вы действуете по чьему-либо поручению или проявляете личную инициативу? — ответил вопросом на вопрос Дронго.

— Это моя личная инициатива, — нахмурился Потапов.

— В таком случае мне нужно знать, кто скрывается за словом «мы». Или вы говорите о себе во множественном числе?

Генерал ФСБ вспыхнул, дернулся, но сдержался и процедил сквозь зубы:

— Меня предупреждали, что вы необычный собеседник. Кажется, вам удалось вывести меня из состояния привычного равновесия. Это ваш типичный прием, к которому вы обычно прибегаете?

— Не всегда. В данном случае по вашей реакции я могу понять, насколько сильно я вам нужен.

— И что вы поняли? — спросил, криво усмехнувшись, генерал.

— Что я вам нужен, очень нужен. Настолько нужен, что вы даже согласны терпеть мои хамские выходки. Значит, вы не совсем точны, когда говорите о вашей личной инициативе.

Я думаю, что лично вы больше не позволили бы мне находиться в этой комнате ни одной секунды. Получается, что вы все-таки действуете от имени и по поручению какой-то неизвестной мне группы лиц.

Генерал взглянул ему в глаза. Но первым отвел взгляд и, презрительно кривя губы, процедил:

— С такими аналитическими способностями вам нужно выступать в цирке. Вам еще никто не советовал туда обратиться?

— Пока нет.

— Значит, это мое рационализаторское предложение, — грубо сказал генерал. — Держите свои выводы при себе, пока про них не спрашивают. Иначе мы действительно расстанемся, даже не начав разговаривать. И впредь постарайтесь воздерживаться от комментариев.

— Это совет?

— Это условие нашей работы, — желчно заметил генерал. — Вам уже сообщили о нашем предложении?

— Расследовать убийство журналиста Мирнова?

— Я не об этом. Я говорю об оплате.

— Миллион долларов, — усмехнулся Дронго, — приличная сумма.

— Нам нужно знать имя убийцы и его заказчиков. Имя и мотивы преступления. Разумеется, если вы найдете киллера, то должны будете представить веские доказательства, что именно он убил Алексея Мирнова. И почему убил. Мы